

A woman with dark hair tied back, wearing a white tank top, is shown in profile from the chest up, looking out of a window. The window has a grid of dark metal bars. Behind the bars, a man with dark hair and a serious expression is looking back at her. The scene is dimly lit, with light coming from the window, creating a somber and tense atmosphere.

Мария Вель

Идеальная рабыня Строго 18++

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Вель

Идеальная рабыня Строго 18++

«Автор»

2026

Вель М.

Идеальная рабыня Строго 18++ / М. Вель — «Автор», 2026

Анне было всего одиннадцать, когда ее родители погибли. Дядя Девин, дядя Джек забрали ее - обещали защиту, заботу и семью. Так и было. Балет, личная комната, книги. Пока ей не исполнилось шестнадцать лет. Джек. Четыре года "уроков". В подвале. Там, где из девочек вытраливают волю, стыд, память.

Пока не останется только рабыня - идеальная, послушная, готовая. В этом аду единственное ее утешение - балет и... Мужчина из ее снов. Он приходит по ночам. И кажется, видит в ней нечто большее.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мария Вель

Идеальная рабыня Строго 18++

Эта книга – для взрослых. Не читайте эту книгу, если вы не достигли возраста совершеннолетия в вашей стране.

ПРОЛОГ

«Нет, папочка, нет!»

Я стояла между ними. Двое мужчин, такие высокие, они были явно больше среднестатистического мужчины. Их голоса разрывали воздух, как железо об железо. Гулкие, гневные, такие громкие, что звук вдавливался под кожу. Я смотрела на них широко раскрытыми глазами, ослепленная чужой яростью. Почему они кричали так, будто рушится мир?

Они были как на одно лицо, просто... разные по возрасту, я полагаю.. Одни и те же глаза цвета ледяной грозы, одно и то же хищное напряжение в скулах. Но один нёс на себе печать времени – не в седине, а в тяжести взгляда. Отец и сын? Два лика одной жестокой воли?

Я оказалась здесь, в этом кабинете, мгновение назад. Будто провалилась сквозь невидимую трещину. Их ярость хотелось зажать ладонями, сжаться, свернуться, исчезнуть. Но страх быть замеченной парализовал меня.

За огромным деревянным столом светилось утро. Мягкий, обманчиво мирный свет струился сквозь ромбовые стёкла. Он не имел ничего общего с комнатой. Позади меня потрескивал огонь в камине, и пляшущие тени на стенах дрожали, будто боялись поднять глаза.

Их лица пылали, руки резали воздух. Я понимала только одно слово – «nein». Снова и снова. Громовое, как удар наковальни. Оно стучало у меня в рёбра.

Старший тыкал пальцем в пустоту, каждое слово звучало приговором. Младший прижимал руку к груди, защищая сердце, и яростно указывал на дверь.

И – будто кто-то перерезал нить – всё исчезло.

Тьма упала тяжёлым грузом. Деревянный пол под ногами сменился глубоким, мягким ковром, в который провалились мои босые пальцы. В ушах ещё звенело, но тишина уже сжимала меня плотным коконом. Я выдохнула – осторожно, боясь разбить хрупкость этого мгновения.

Глаза привыкали к серебристому свету луны, соскальзывающему с высоких окон слева. Комната медленно проступала из мрака, как незнакомое лицо. Потолок терялся в темноте. Вдали белел очерк холодного камина. А там, в глубине, тень обретала форму – огромная кровать под балдахином, словно трон. Луна цеплялась лишь за край покрывала. Изголовье тонуло в черноте, густой, как смола.

Я сделала шаг – тихо, почти не касаясь пола. Сама не понимала, что вело меня вперёд. Едва я вступила в лунный овал, тишину взрезал резкий вдох. Шелест ткани сорвался из темноты. Я застыла, пойманная в ловушку собственного дыхания.

Голос. Глубокий, хриплый, сорванный со сна:

– Wer bist du? (Кто ты?)

Сердце заколотилось, сбив ритм. Губы дрогнули, но слов не было. Я не понимала ничего, только интонацию – настороженную, звериную.

Я всматривалась в мрак. И когда он вышел на свет, у меня вырвался короткий вздох.

Молодой мужчина. Тот, что кричал секунду назад. Его обнажённая грудь была широкой и тяжёлой. Волосы растрёпаны сном. Он провёл ладонью по лицу, словно пытаясь стряхнуть видение или убедиться, что не спит.

Он шёл ко мне. Медленно, но неотвратно. Мои собственные ноги отяжелели. Сердце колотилось так громко, что казалось, вывернется наружу. Что он сделает? Кто я для него?

Он остановился рядом и, к моему изумлению, опустился на одно колено. В этот миг воздух вокруг будто сгустился. Я узнала его. Он был тем самым мужчиной, что являлся мне в снах с тех пор, как умерли родители. Я видела его снова и снова – прекрасного, недостижимого, молчаливого. Он никогда не говорил в тех снах. Никогда не смотрел прямо на меня.

Как я не узнала его сразу?

Он смотрел долго и пристально. Протянул руку – движение почти нежное – и отдернул, словно обжёгся.

– Wer bist du? – теперь мягче. – Was machst du hier? (Что ты здесь делаешь?)

Я попыталась ответить. Во рту была пустота. Лишь беззвучное движение губ. Я сделала шаг, почти стремясь коснуться его. Но шорох с кровати вырвал меня на место. Шелест, недовольный женский голос. Он резко обернулся, отвечая тихо, виновато, как пойманный на краже.

Когда он снова посмотрел на меня, в его глазах жила боль. Не моя – своя, древняя, тёмная. И эта боль пронзила меня предательством, будто он разорвал невидимую нить между нами, ещё не зная, что она есть.

Мы смотрели друг на друга. Слишком долго. А потом комната растворилась в темноте, будто кто-то выдернул последний лучик света.

Девин улыбнулся, когда я открыла глаза. Всё плыло. Я судорожно хватала воздух, чувствуя, как волосы прилипли к влажному виску. Всё тело было тяжёлым, разбитым.

«Анна, что ты видела?»

Его голос прорезал туман. Я попыталась сфокусироваться на его лице. «Анна! Смотри на меня!» Его пальцы впились в мой подбородок, заставляя повернуться. Я вздрогнула.

«Что. Ты. Видела?»

«Я... я видела двух мужчин, – выдохнула я, и голос предательски дрогнул. – Они спорили. Отец и сын, кажется. Высокие, светловолосые». Слова путались. «Они кричали. Они были очень злые. Потом я оказалась в спальне. Тот, что моложе, был там».

Он нахмурился. «О чём они спорили?»

«Я не знаю. Я не поняла слов». Слезы подступили к горлу. «Они просто кричали. Голоса были... грубые».

«На другом языке?»

Я широко открыла глаза. Не думала об этом. «Может быть... Я не знаю других языков...».

«Какие-то слова запомнила?»

Я зажмурилась, пытаюсь выловить из каши звуков что-то чёткое. «Они... всё время повторяли одно слово. Как будто... «девять»».

Он замер, потом нежно убрал прядь с моего лица, поцеловал в лоб. Его прикосновение было неожиданно ласковым. «Как они это говорили?»

«Они были в ярости. Старший что-то говорил, а младший кричал: «девять!» Потом наоборот». На моих губах дрогнула слабая, неуверенная улыбка. Я искала в его глазах одобрения. «Если бы не было так страшно, это было бы почти смешно».

Он вздохнул, поцеловал в щёку. «Прости, что сорвался, малышка. Это важно для меня».

«Прости, Девин. Я стараюсь».

«Знаю, что стараешься». Его губы коснулись виска, тыльная сторона ладони погладила щёку. Он наклонился, и я почувствовала его дыхание в волосах. «Такая красивая. Такая наивная».

Дверь открылась, и вошёл дядя Джек. Его вес опустил край кровати. Я устало закрыла глаза. Тело ныло не только от видения.

«Что теперь?» – спросил Джек, натягивая на мои плечи одеяло.

Девин какое-то время молчал. Потом вдруг тихо рассмеялся. «Немецкий».

«Немецкий? О чём ты?»

«Они говорили по-немецки. «Nein» – это «нет». Логично, что в споре оно звучало часто».

Они говорили что-то ещё, но слова плыли мимо, не цепляясь. Потом Девин позвал Йена, говорил о каком-то докторе, о лекарстве. О том, чтобы я «не могла забеременеть». О том, что я скоро «очнусь в новой жизни».

Страх, холодный и липкий, пополз по спине. Но веки были свинцовыми. Я проваливалась обратно в пучину, ещё пытаюсь ухватиться за обрывки смысла.

Мне снились кошмары. Меня кололи, тыкали, тело бросало то в жар, то в холод. В животе вспыхивало адское пламя, перехватывало дыхание. Потом – резкий укол в руку, и боль отступала, унося меня в беспокойное забытие.

Я проснулась от слабого солнечного света, струившегося из высокого окна. Потолок был белым, стены – светло-голубыми. Я долго лежала, вспоминая мужчину из сна. Его лицо. Его голос. Он говорил со мной. Он был реален? Имело ли это значение?

Дядя Девин... Он наконец был со мной. Как и обещал. Я улыбнулась в пустоту, чувствуя странную, новую тяжесть внизу живота. Взрослость. Я потянулась, и в теле отозвалась приятная усталость и смутная боль.

Где я? В поместье Девина? Я села, оглядывая незнакомую комнату. Деревянный пол, несколько дверей. С трудом поднявшись, я пошла их проверять. Шкаф – пустой. Ванная – там висел белый хлопковый халат. Я накинула его и подошла к массивной двери, ведущей, должно быть, наружу.

Ручка не поддавалась. Я дёрнула сильнее – безрезультатно. И вдруг дверь сама резко распахнулась внутрь, толкнув меня. Я потеряла равновесие и шлёпнулась на пол.

Надо мной возвышался незнакомец. Гигант с холодными глазами.

Я неуверенно улыбнулась, поднимаясь. «Дядя Джек там?»

Он изучающе посмотрел на меня. «Я дам ему знать, что ты проснулась». Дверь захлопнулась перед самым моим носом с таким грохотом, что я вздрогнула.

Отвернувшись к окну, я отодвинула занавеску. Маленький дворик, кусты. Мысли снова вернулись к нему. К тому мужчине. Он видел меня. Значит, он реален. Зачем ещё дяде Девину был бы интересен мой сон?

За спиной снова скрипнула дверь. Я обернулась – и сердце радостно ёкнуло. В комнату вошли дядя Джек и дядя Девин.

Не думая, я бросилась через комнату и впилась в дядю Джека, обвивая его руками. Я ждала, что его руки привычно обнимут меня в ответ.

Они не пошевелились.

Я отстранилась, смущенная этим фактом. Он смотрел на меня... незнакомым взглядом. Таким, каким смотрел на Табиту и Зою. Холодным, оценивающим.

Я повернулась к Девину, протягивая руки. Он усмехнулся и отступил на шаг.

Слёзы тут же навернулись на глаза. Что-то не так. Что-то страшное случилось, и они не знают, как сказать.

«Дядя Джек... что случилось?»

Он молчал. Его лицо было каменным.

«Дядя Девин? Что-то... что-то случилось?»

Желудок сжался в ледяной комок. Я смотрела на них, на двух мужчин, которых любила больше всех на свете, и не узнавала.

И тогда Девин ударил меня.

Удар по щеке был таким сильным, что мир завертелся. Я рухнула на колени, одной рукой упершись в пол, другой прижавшись к пылающей коже. Неверие душило горло.

«Д-дядя Д-Девин, почему...»

Вторая пощёчина пришла с другой стороны, бросив меня на деревянные доски. Боль пронзила челюсть, в ушах зазвенело.

«Не называй меня дядей Девином». Его голос был рычанием. Чужим.

Я не могла думать. Я просто смотрела на них, на этих незнакомцев, и чувствовала, как во рту появляется вкус крови и соли от слёз.

Дядя Джек грубо подтащил меня, поставив на колени, заставив сложить ладони под подбородком. «Ты будешь сидеть так, когда мы рядом. Встанешь только с разрешения. Поняла?»

Его голос резал, как лезвие. Он никогда так со мной не говорил. Только с ними. С девочками из гаража.

«Ты поняла меня!?»

«Д-да...» Я сглотнула ком в горле. «Да, дядя Джек».

Удар был мгновенным. На этот раз от него. Я снова оказалась на боку, новый прилив жгучей боли.

«Ты будешь называть меня Хозяином, – сказал он, и в его глазах не было ни капли того человека, который читал мне сказки на ночь. – Как все мои ученицы».

Ученицы? Я не ученица. Я его Анна. Его девочка.

«И меня тоже», – добавил Девин, его голос был таким же плоским и чужеродным. «Поняла?»

«Д-д-да... Д-деви... Хозяин». Слово обожгло язык, как кислота. Плечи сгорбились сами собой. Я опустила глаза в пол, куда падали мои слёзы, оставляя тёмные пятна на белом халате. Внутри всё кричало, но крик застрял где-то глубоко, задавленный страхом.

«С этого момента всё по-другому, – продолжил Девин. – Ты не смотришь в глаза. Ни нам, ни другим мужчинам. Ты подчиняешься Джеку. И мне. Без вопросов. Поняла?»

«Да, Хозяин».

Наступила тяжёлая пауза. Потом заговорил Джек.

«Ты останешься жить со мной. Но теперь твоя комната – внизу. С другими девушками».

Внизу. В том самом гараже, за порог которого мне было запрещено переступать. Откуда доносились крики. Где было больно.

«Школу ты больше не посещаешь. Образование достаточно. Балет – два раза в неделю».

Балет... Единственная уступка в этом новом, чудовищном мире. Бездумно, я подняла на него взгляд.

«Но, дядя Джек, почему...»

Очередной удар. Быстрый, жёсткий. «Я разрешил тебе смотреть на меня?»

Я вздрогнула, вжав голову в плечи, уставившись в пол, по которому теперь текли ручьи слёз. Губы я сжала до боли.

«Как я сказал, – его голос навис надо мной, – балет два раза в неделю. Для психического здоровья. На большее времени не будет. Есть другие, более важные уроки».

«Да, Хозяин».

«Из дома – только с моего разрешения. Увидишь знакомого – игнорируешь. Не смотришь, не говоришь. Подойдёт – разворачиваешься и уходишь».

«Да, Хозяин».

Он замолчал. Я сидела, сложив ладони, и вся дрожала мелкой дрожью. От боли. От страха. От ледяного, всепоглощающего предательства.

Дядя Джек и дядя Девин умерли в эту минуту. На их месте стояли Хозяева. Холодные. Чужие. Опасные.

Они будут бить меня. Как били Табиту и Зою. Я слышала их крики. Видела их синяки.

Но я думала, я была другой. Я думала, они любят меня.

Я ошиблась. Ужасающе, катастрофически ошиблась.

И теперь мне предстояло спуститься в гараж. В темноту. В ту самую боль, от звуков которой я затыкала уши. Теперь это будет моя боль.

Я подняла глаза, всего на миг, украдкой. Они оба смотрели на меня. И в глазах Девина, сквозь ледяную маску Хозяина, на мгновение мелькнуло что-то ещё. Удовлетворение. Почти восторг.

Все идёт по его плану.

И от этой мысли стало ещё холоднее.

Глава 1

Четыре года спустя.

«Сядь».

Мое тело повинуется раньше, чем сознание. Оно помнит все – годы «уроков», каждую боль, каждый унижительный жест. Я опускаюсь на колени, спина прямая, взгляд опущен. Думать не нужно – только подчиняться. Иногда это даже притупляет боль. Иногда.

Хозяин Джек медленно проходит к дальней стене, где хранится его коллекция. Я слышу, как он останавливается, задерживается, а затем его шаги возвращаются ко мне. За спиной чувствую его присутствие – тяжелое, насыщенное молчанием. Что-то холодное и жесткое касается моей спины. Кнут. Он обвивает его вокруг моей шеи раз, другой, третий. Кожа сжимается, дыхание укорачивается.

Я закрываю глаза, пытаюсь поймать ритм своего сердца. Оно бьется где-то в горле, бешено, беспомощно.

«Какова твоя цель в жизни, Анна?»

Голос звучит ровно, как всегда. Я повторяю заученное, слова, ставшие частью меня, как шрамы.

«Моя цель – доставлять сексуальное удовольствие любому мужчине, которого выберешь ты. Согласно его желаниям».

Он молчит. Я чувствую, как кнут чуть затягивается.

«А если он захочет причинить тебе боль?»

Глотаю. Страх сковывает горло.

«Моя боль не имеет значения. Важно лишь одно – удовлетворен ли он».

Он медленно кивает за моей спиной. Ответ правильный. Значит, будет передышка. Маленькая.

«Какова цель твоего оргазма?» – звучит следующий вопрос.

«Усилить удовольствие мужчины, с которым я занимаюсь сексом».

Слова горькие, как пепел. Но правдивые.

«Единственная цель моей жизни – доставлять мужчинам сексуальное удовольствие».

Голос дрожит на последнем слове. Не сдержалась. Мгновение – и я лечу назад, на грубый цементный пол, раскрашенный в тусклые цвета. Руки инстинктивно вскидываются, но он уже тянет меня за волосы через комнату, к арке. Кожа скребется о шершавую поверхность. Не сопротивляюсь. Бесплезно.

«Вверх».

Поднимаюсь, взгляд прикован к полу. Он обходит меня, и я сжимаюсь внутри, когда его палец проводит по свежим ссадинам на спине – следам вчерашнего «урока». Не шевелюсь.

«Руки вверх».

Поднимаю. Наручники щелкают, холодное железо смыкается вокруг запястий. Внутри что-то кричит, молит о пощаде, но я глушу этот голос. Хозяин Джек не знает пощады. Никогда.

Кнут свистит в воздухе. Первый удар обжигает соски. Я выгибаюсь, крик застревает в горле. Он бьет снова и снова, метко, методично, чередуя боль между ними. Пока голос не садится, не переходит в хрип.

Он снова рядом. Палец входит в меня грубо, без предупреждения. Я задыхаюсь.

«Ты знаешь, почему тебе нравится, когда я тебя трогаю, Анна? Даже если через минуту будешь кричать?»

«П-потому что я шлюха», – выдыхаю я.

«Именно». Его дыхание горячее на ухе. «Тебя возбуждает боль. Унижение. Ты существуешь для секса. И ни для чего больше».

Он двигает пальцем, и мое тело – предательское, жалкое – отзывается. Я хнычу, прижимаюсь, ненавижу себя за эту слабость. Он доводит меня до края и резко убирает руку. Обрыв. Пустота. Я обвисяю в наручниках, как тряпичная кукла. Он всегда прав. Всегда.

«Ты знаешь, какой завтра день?» – его голос пререзает тишину.

Поднимаю взгляд. В глазах – туман усталости. Качаю головой.

«Двенадцатое мая, детка».

Двенадцатое мая. Дата крутится в голове, бессмысленная. Пока не щелкает.

Мой день рождения. Мне исполняется двадцать лет.

«День рождения», – хрипло выдавливаю я.

«Да. А это значит, обучение закончено. Завтра ты переезжаешь к хозяину Девину».

Внутри все леденеет. Хозяин Девин.

Джек смеется – сухой, неприятный звук. «Если ты думала, что здесь было плохо...»

Я дрожу. Хочу умолять остаться. Как бы ни был ужасен Джек, Девин – это нечто иное. Нечеловеческое. Вспоминаются другие стены, другие руки, боль, после которой не просыпаться тем же. Вспоминается нож в ванной, и капли на полу, и ярость Джека, когда он нашел меня. Потом – поездка к Девину. И Йен. И та боль, которая стирала все мысли, оставляя только животный ужас.

Я не пыталась больше. Он доказал – выхода нет.

Джек снимает наручники. Я падаю на колени.

«Пожалуйста... не отправляй меня к нему», – шепчу, сама не веря своей дерзости.

Кашель разрывает горло, саднящее от криков.

«Ты не хочешь уходить от меня?» – в его голосе сквозит насмешка.

Качаю головой, не в силах вымолвить больше.

«Девин тебя хорошо отучил, да?» – усмехается он.

Я смотрю в пол.

«Это не мое решение, Анна. Ты всегда принадлежала ему. Я лишь... подготовил тебя».

Он хватает меня за волосы, поднимает. Боль острая, унижительная.

«Не умоляй. Это отвратительно».

Удар по лицу. Пол уходит из-под ног. Щека горит. Слезы текут сами, я не пытаюсь их сдержать. Поднимаюсь на колени, складываю руки. Старая, выученная поза.

«Да, хозяин Джек».

«Вставай. Ложись на стол».

Поднимаюсь на шатких ногах. Он идет к запертому шкафу – своему «сундуку с сокровищами». Оттуда он достает самое страшное. Я спешу к столу, холодному и знакомому. Он возвращается. В его руке – нож.

«Не бойся, – говорит он, и в голосе звучит почти нежность, от которой мурашки бегут по коже. – Я позабочусь, чтобы ты выспалась и отдохнула перед дорогой».

Последняя ночь. Последние часы. А завтра – Девин.

И я ловлю себя на мысли, которая проносится, черная и быстрая: может, лучше бы тогда тот нож не подвел.

Глава 2

Я проснулась от крика. Голос хозяина Джека, рвущийся сверху, сквозь потолок. Сердце вколотилось в ребра, тело вскочило с матраса само – и застыло в мучительной гримасе, когда кожа на спине оторвалась от простыни, прилипшей к заживающим порезам. Обернулась: на белой ткани – ржавые разводы. Кровь. Но на коже – лишь розовые следы. Как всегда.

Шаги наверху. Ступенька скрипнула. У меня есть секунды.

Я сорвалась с места, ноги сами понесли к привычной точке на полу, где я должна стоять по утрам. Скользнула на колени, выпрямила спину, опустила взгляд – в тот самый миг, когда его нога ступила на последнюю ступеньку лестницы в гараж. Грудь вздымалась, горло сжималось. Я чувствовала его взгляд на себе – тяжелый, оценивающий. И затем – почти осязаемое разочарование, когда он не нашел повода.

«Ты выглядишь отвратительно».

Его коричневые кожаные туфли остановились прямо перед моим лицом. Я затаила дыхание.

«Прими душ. Вымой голову. Оденься. Сегодня утром ты должна выглядеть презентабельно. Не торопись. Сделай все как следует».

Он развернулся. Каблуки шелкнули по цементу.

«Когда закончишь – наверх».

Я осталась сидеть, уставившись в то место на полу, где только что были его ноги. *Презентабельно. Не торопись.* Уловка? Провокация, чтобы потом наказать за медлительность? Осторожно подняла взгляд – его уже не было. Прикусила губу, поднялась. Прислушалась. Тишина.

Странное приказание. Ему никогда не было дела до того, как я выгляжу. Лишь бы была чистая. Лишь бы готовая.

В ванной замерла у душа, выглянула за дверь. Сверху доносился звук кофемолки, затем – запах кофе. Он заваривал себе. Значит, время есть.

Я сделала, как велел: мыла волосы шампунем и кондиционером, долго и тщательно смывала засохшую кровь с ног и спины. Время растягивалось, живот сжимался в тугую узел. Я ждала, что в любой момент дверь распахнется и он ворвется сюда, вытащит меня мокрую и накажет за то, что трачу его время. Но – ничего.

Вытерлась грубым полотенцем, заплела волосы в тугую косу – он любил, когда их можно схватить. Надела единственное, что у меня было, кроме прозрачных «танцевальных» тряпок: старые джинсы и синюю футболку. И поднялась наверх.

Хозяин Джек сидел за кухонным столом с кружкой. Взглянул на меня, нахмурился.

«Наверное, стоило купить тебе что-то получше. Но теперь поздно.» Он пожал плечами. «Девин, думаю, не обратит внимания. Всё равно долго ты в этом не проходишь.»

Сделал последний глоток, поднялся, взял ключи от «Порше» из шкафчика у двери.

«Пойдём.»

Слово «Девин» прозвучало как приговор. Ноги стали ватными, когда я спускалась в гараж. Поместье хозяина Девина. Туда.

Дорога была долгой. Я молчала, глядя в окно, цепляясь взглядом за редкие дома, за повороты серой ленты асфальта. Хотелось, чтобы она никогда не кончалась.

Но кончилась. Высокие кованые ворота, черные, как провал в памяти, раздвинулись сами. «Порше» нырнул в тень аллеи, заросшей кленами. А в конце дороги, встроенный в

холм, как зловещее украшение, возвышался особняк. Готический, тяжелый, из темного камня. Хозяин Джек припарковался у подножия широких ступеней.

Я открыла дверь, вышла. И в тот же миг распахнулись массивные дубовые двери особняка. Из темноты вышел он. Йен.

Высокий, как гора. Сложенный, как из дубовых сучьев. Светло-каштановые волосы, собранные в хвост, который в пылу «сессий» всегда расплетался. Его глаза – холодные, карие, бездонные – скользнули по мне, и внутри всё сжалось. Он упивался болью. Помнила. Помнила слишком хорошо.

Я стояла на гравии, скрестив руки, ждала, пока хозяин Джек обойдет машину. Потом последовала за ним по ступеням. Йен развернулся и вошел внутрь, не сказав ни слова. Мы – за ним.

Переступила порог. Мраморный пол вестибюля, белый, ледяной, обжег босые ступни. В голове вспыхнули картинки: этот пол, но в красных разводах. Моя кровь. Я закусила губу до крови, чтобы не вскрикнуть. Руки дрожали, когда стаскивала сандалии. Женщинам здесь нельзя носить обувь.

Мы прошли в приемную. Комната, обшитая темным деревом, поглощала свет. Где-то высоко над головой было окно в крыше, но оно не спасало. Белый мрамор под ногами – снова. Почему он такой белый? Почему на нём нет следов? Я ведь помню...

Я встала в привычную позу: голова опущена, руки скрещены на животе. Слушала, как хозяин Джек и Йен обмениваются короткими фразами. Голоса звучали непринужденно, почти тепло. От этого становилось ещё страшнее.

«Где Девин?» – спросил Джек. «Удивлён, что его ещё нет. Думал, он не дожждётся этого дня.»

Они усмехнулись. Я почувствовала, как их взгляды скользнули по мне. Не шевелюсь. Едва дышу. Может, если буду недвижима, они забудут, что я здесь.

«Он заканчивает звонок, – сказал Йен. – Похоже, отец и брат Алекса неожиданно приехали из Франкфурта. Девин не в восторге.»

«Алекс... тот немец? Думал, он держится от нас в стороне.»

«И я так думал. Он редко появляется. Не нуждается.»

Снова смех. Короткий, сухой.

«Девин из вежливости держал его в курсе. Но ему нравилось, что ничего официального не было. До сих пор.»

«Что такого в его отце и брате?»

«Отец – Старейшина.»

Тишина. Длинная, тягучая.

«Чёрт. Девин знал?»

«Вильгельм навещался в город, но на собрания не ходил. Алекс вообще в стороне. Девин молчал.»

«Он никогда не упоминал, – задумчиво произнёс Йен.»

Ещё пауза. Воздух стал густым от невысказанного.

«Так, Вильгельм... – протянул Джек. – Девин подозревает, что один из них может быть...»

Йен вздохнул. В его голосе прозвучала тревога, которую я никогда раньше не слышала.

«Вильгельм приезжает в пятницу. Внезапно. Девин начинает что-то подозревать.»

«Кто? Вильгельм или Алекс?» – голос Джека стал резче.

«Или младший брат?» – добавил он, но сам же, кажется, не верил в это.

«Курт приезжает только повеселиться с Алексом, – попытался сгладить Йен. – У Алекса, знаешь, репутация.»

«Могу представить, – усмехнулся Джек. – Брат, наверное, пошёл по его стопам.»

Я слушала, и тревога, холодная и липкая, заползала внутрь. Хозяин Девин ненавидел сюрпризы. Он всё просчитывал. Если он беспокоился – значит, что-то было серьёзно. Что-то, что могло коснуться и меня.

«Алекс женат? – сменил тему Джек. – Никогда не видел его с женщиной.»

«Был. Жена умерла за полгода до его переезда. Думаю, поэтому он и оказался здесь. Поэтому Девин не давил. Но теперь... не знаю. Девин молчит, но я вижу – он настороже.»

Они засмеялись нервно, фальшиво. Я знала эту ноту. Притворство.

И тут – голос. Чёткий, как лезвие, разрезал воздух комнаты.

«Джек.»

Хозяин Джек вздрогнул, обернулся. Я мельком увидела за его плечом – в дверном проёме стоял хозяин Девин.

Тишина стала абсолютной. Его присутствие впитывало все звуки, как черная дыра. Почему он остановил Джека? Раньше он никогда не вмешивался.

Сердце заколотилось где-то в висках. Что теперь? Что он задумал?

«Время для этого прошло, Джек. Ей уже двадцать.»

Девин двигался бесшумно, как тень. Инстинктивно я рванулась на колени, но Джек всё ещё держал меня за волосы. Я вырывалась, слепая от паники. Не успеть – больно. Не успеть – хуже.

«Отпусти её.»

Голос Девина смягчился, но от этого не стало легче. Джек разжал пальцы. Я рухнула на колени, сложив руки, склонив голову. Облегчение, горькое и короткое, промелькнуло внутри.

Девин остановился рядом.

«Йен рассказал тебе об Алексе и его семье?»

«Да.»

«Есть повод для беспокойства?»

Девин помолчал. Иногда мне казалось, что я чувствую ход его мыслей – вибрирующий, холодный поток. Это пугало больше всего.

«Беспокойство есть. Но паниковать рано. Мы можем использовать нашу находку, чтобы узнать их тайны.»

«Ты думаешь, послать её к ним – хорошая идея?»

«Они о ней ничего не знают. Но я хочу держать их близко. Предложу её Алексу. Он безопасен. Не в наших делах. Просто... несчастен. Может, заинтересуется такой девушкой, как Анна.»

Кто эти люди? Почему сердце замерло, а потом забило с новой силой? В голове всплыли глаза – кобальтово-синие, нереальные. Из снов. Какое они имеют отношение к этому разговору? Я прогнала образ, как всегда.

Девин повернулся ко мне. Его черные туфли оказались прямо перед моим лицом.

«Ну, Анна. Готова к новой жизни?»

Новая жизнь. Слова обожгли. В прошлый раз, когда мне пообещали «новую жизнь», я оказалась в гараже хозяина Джека на четыре года. Девин был хуже. Нет, я не хотела другой «новой жизни». Жизнь с Джеком была кошмаром, но мысль о жизни с Девинком вызывала абсолютный, парализующий ужас.

Он не любил болтовни. Что ответить? Он всегда видел ложь насквозь. Несколько раз в начале тренировок я пыталась отвечать так, чтобы ему было приятно. Не лгала – старалась угодить. Но он дал понять: даже попытка уклониться – предательство.

«Я не знаю, хозяин Девин, – выдохнула я, закрывая глаза. Молилась, чтобы он не разозлился.»

Опустился передо мной на колени. Коснулся подбородка. Я резко открыла глаза.

«Смотри на меня, Анна.»

Подчинилась. Моргнула. Отвела взгляд – старый инстинкт: никогда не смотреть в глаза. Но не смогла долго сопротивляться. Вернула взгляд к нему.

Он рассматривал меня. Его глаза – черные, как обсидиан, под густыми бровями – казались бездонными. Я сглотнула. Замерла.

«Спасибо за честность, – он улыбнулся.»

Улыбка изменила его лицо. Ухоженная борода и усы не казались такими зловещими. Я попыталась ответить робкой улыбкой, но тут же отвернулась, сглотнула, приготовилась к удару. Он должен был последовать.

«Ты хорошо обучена, Анна. Я доволен.»

Брови дернулись. Задержала дыхание. Уловка? Провокация?

«Пока помнишь свое обучение – жизнь будет... приятнее, чем была.»

Помнить обучение? Как я могла забыть?

«Есть правила. Для поместья. И для внешнего мира. Они разные. Но ты умная. Освоишь.»

Я кивнула, чтобы показать, что слушаю. Но не верила. Доброта мужчин всегда была ловушкой.

«Да, хозяин Девин.»

Он встал. Протянул руку. Я уставилась на неё, не понимая.

«Я помогаю тебе встать. Как джентльмен.»

Наклонился, взял мою руку в свою. Его пальцы были сухими, теплыми. Он помог подняться. Повернулся к Джеку.

«Спасибо, Джек. Я сам с ней разберусь. Придешь в пятницу?»

«Конечно. У тебя есть... новенькие?»

«Да. Хочешь отдохнуть сначала?»

Джек покачал головой, усмехнулся. «Готов к новой киске.» Кивнул в мою сторону.

«Она определенно готова сексуально. Хотя с социальными навыками... может понадобится помощь. Не моя область, но я сделал, что мог. Может поддержать беседу. Но все ещё дико застенчива.»

«Думаю, с ней всё будет хорошо, – улыбнулся Девин и кивнул Йену. – Отведешь хозяина к новым девушкам?»

Я через силу улыбнулась. Почему он так добр? Может... Нет. Нет, не может быть, чтобы дядя Девин вернулся. Или... может?

«Да, сэр.»

«Думаю, они тебе понравятся, Джек. Редкий шанс – близнецы.»

Глаза Джека вспыхнули таким голодным блеском, какого я никогда не видела. «Вы дарите мне близнецов?»

«Думаю, заслужил. Обучи их хорошо.»

Он снова повернулся ко мне. Снова протянул руку. На этот раз – чтобы повести. Куда?

Впереди была не комната. Не гараж. Было что-то новое. И от этого не становилось легче. Страх лишь густел, становясь вкусом на языке. Металла. И крови.

Глава 3

Мы просидели в тишине несколько минут, пока мои слёзы не высохли, оставив на щеках лишь солёные дорожки и пустоту.

Хозяин Девин коснулся губами моей макушки – поцелуй, лёгкий, как падение пера, – затем поднялся и поднял на ноги меня.

Теперь начнётся расплата. Вернувшись в комнату, я глубоко вдохнула, готовясь принять любое наказание.

Но вместо того, чтобы повести меня к двери, а затем в темницу, он подвёл к мягкому креслу у окна. Сам опустился на оттоманку и жестом пригласил меня сесть. Я послушно устроилась, положив руки на колени и уставившись в них, стараясь вжаться в позу совершенной покорности.

«Анна, посмотри на меня».

Я подняла глаза, ожидая увидеть гнев, хотя в его голосе его не было. Его взгляд был... добрым. Он провёл пальцем по моей щеке.

«Когда мы одни, тебе не нужно сидеть вот так и отводить глаза. Здесь, наедине, я хочу, чтобы ты чувствовала себя со мной свободно. Не думай обо мне как о господине».

Что? Не думать о нём как о господине? Это было невозможно. Меня слишком долго и слишком тщательно для этого готовили.

«Давай обсудим правила поместья, а потом ты сможешь задать любые вопросы, хорошо?» Он сделал паузу, и на его лице мелькнула лёгкая улыбка.

«Да, господин», – тихо отозвалась я, снова опустив глаза на руки.

«Во-первых, тебе больше не нужно называть меня "господин", если я сам не скажу. В поместье ты будешь обращаться ко мне "милорд", как и ко всем мужчинам. А здесь... можешь звать меня Девин». Он усмехнулся. «Полагаю, ты уже слишком взрослая для "дядюшки Девина", не находишь?»

В детстве я звала его «дядя Девин». Хозяина Джека – «дядя Джек».

Я не ответила, решив, что ответ не требуется. Но он ждал, и мне пришлось поднять на него взгляд.

«Тебе так не кажется?» – повторил он с тёплой улыбкой.

«Я... да... Ма... Девин», – выдавила я, запинаясь. Честно говоря, я не знала, что думать.

Девин слегка нахмурился: «Не лги, чтобы угодить мне, Анна».

Я снова уставилась в руки, и по спине пробежал холодный страх. «Прости, Девин. Не знаю... не слишком ли я взрослая, чтобы называть тебя дядей».

«Полагаю, общество не одобрит, если моя любовница станет называть меня "дядюшкой"».

«Любовница?» Что?

«Да, Анна. Ты моя любовница. Формально ты всё ещё рабыня, но для всего Сан-Франциско ты будешь моей содержанкой».

Я несколько раз растерянно моргнула. Снова. Зачем Девину любовница? Он был счастливо женат на прекрасной женщине, у них трое детей.

«Ты хмуришься. О чём думаешь?»

«Я...» – начала я запинаясь. Мне не следовало спрашивать, но он спросил, и пришлось отвечать. Я набрала воздуха, собираясь с духом. «Зачем тебе любовница, Девин? Ты женат. Какую роль я могу играть в твоей... обычной жизни?»

Девин рассмеялся. «О, Анна. Ты такая наивная. Мне это нравится». Он взял мои руки в свои и поцеловал каждую ладонь. «Почему бы мне не захотеть проводить время с красивой молодой женщиной? Ты сможешь помогать мне во многих делах, и я хочу, чтобы тебя уважали в обществе. Статус моей любовницы обеспечит тебе это. Кроме того, мне наскучило общество жены. А секс... приелся. Она должна понять, что я в ней не нуждаюсь, а она – во мне». Он нахмурился, словно какие-то мысли его огорчили.

Я не нашлась, что ответить. Я знала, что многие друзья Хозяина Джека были женаты и приходили к нему, чтобы воспользоваться мной. Они нелестно отзывались о своих жёнах, но я и представить не могла, что Девин чувствует то же. Но что я знала о браке? Он казался мне всего лишь обременительной условностью для мужчин его круга.

«Вернёмся к правилам?»

«Да, Девин».

«Это твоё безопасное место, Анна, – сказал он, обводя рукой комнату. – Здесь тебе не нужно соблюдать формальности, принятые в Поместье. Можешь звать меня Девин. Можешь звать Йена по имени, как и любого другого мужчину, которого захочешь сюда привести».

Зачем мне приводить сюда мужчин? Я промолчала, а он продолжил с весёлым выражением лица, словно читал мои мысли.

«Как я сказал, в Поместье ты будешь обращаться ко всем мужчинам "милорд", как привыкла. Сюда постоянно приходят и уходят разные люди, так что, вероятно, безопаснее будет оставаться здесь, когда тебя не сопровождают в другие места. Я постарался обустроить эту комнату так, чтобы она не напоминала тюрьму. Отсюда и дворик». Он кивнул в сторону окна.

Я молча кивнула.

«Всякий раз, когда тебя будут вызывать ко мне или к другим мужчинам, ты войдёшь в комнату, подойдёшь и встанешь в нескольких шагах – в зависимости от размера комнаты – и сделаешь поклон, знак покорности. Встань. Я научу тебя, как правильно».

Я встала и подошла к оттоманке. Девин повернулся ко мне.

«Отойди на несколько шагов назад. Да, хорошо. Теперь прими покорную позу, но вместо сложенных ладоней наклонись вперёд, вытяни руки и коснись носом пола».

Я сделала, как велел. Ковёр оказался мягче, чем я ожидала.

«Хорошая девочка. Я не сомневался, что у тебя получится. Ты остаёшься в этом положении, пока тебе не скажут встать или сесть. Любая команда означает принятие позы подчинения, хотя можно класть руки на бёдра, а не складывать. Понятно?»

Я кивнула, всё ещё уткнувшись носом в пол. Надеялась, что запомню всё, что услышала.

«Можешь вернуться на место». Я так и сделала, и он продолжил. «Я хочу, чтобы ты сходила по магазинам, купила себе одежды. Полагаю, это лучшее, что у тебя есть?» Он указал на мои джинсы.

«Да. Меня раздевали, если только не отпускали на балет». Он кивнул с задумчивым видом. «Мне нужно решить, с кем отправить тебя за покупками, но в ближайшие дни ты сходишь. Возможно, я схожу с тобой сам». Он улыбнулся мне.

Девин хочет сам пойти со мной за покупками? Этот день становился всё страннее.

«Ты будешь сопровождать меня на различные мероприятия, и тебе будет разрешено заниматься другими делами, если захочешь». Он пожал плечами. «Но я бы предпочёл, чтобы ты не ходила одна. Пока что. Ты слишком долго была в изоляции, и я не хочу, чтобы ты потерялась или с тобой что-то случилось. Если только он не занят, Йен будет сопровождать тебя. Он позаботится о твоей безопасности».

Сердце упало в пятки. *Оставаться наедине с Йеном?* Девин, должно быть, шутит. Йен ненавидит меня. Кто знает, что он сделает, окажись мы с ним одни?

«Анна, Йен – хороший человек».

Я фыркнула и тут же прикрыла рот, ужаснувшись собственной дерзости. Откуда взялись все эти вышедшие из-под контроля эмоции?

Девин рассмеялся. «Всё в порядке, Анна. Я знаю, у вас был только... болезненный опыт общения. Но так было нужно. Он действительно хороший и будет защищать тебя. Когда узнаешь его поближе, он тебе даже может понравиться». Девин сделал паузу. «Он считает тебя очень красивой».

«Правда?» – почему-то прошептала я, и эта мысль странно меня заинтриговала.

«Да. К тому же он известный ловелас. Все девушки тают, когда он спускается вниз». Девин выглядел забавно. «Возможно, он тебе понравится... в твоей постели». Я недоверчиво покачала головой. «С чего бы мне *добровольно* ложиться с кем-то в постель?» – вырвалось у меня, прежде чем я осознала сказанное. В этой, якобы безопасной, комнате язык становился всё развязнее. Я боялась, что стану говорить *слишком* свободно.

Девин просто рассмеялся... снова. Похоже, сегодня я была для него неиссякаемым источником развлечения. Что ж, полагаю, это всё же лучше, чем удар. Несомненно, лучше. Могу ли я доверять этой его перемене? Я взглядела в его глаза, но не увидела и тени неискренности.

«Ох, детка. Просто попробуй прожить без секса несколько дней. Посмотрим, как сильно твоя киска затоскует по твёрдому члену».

Я скептически посмотрела на него. «Сомневаюсь». Одна мысль о том, что я смогу провести без мужчины больше нескольких часов, наполняла меня тихой, почти запретной радостью. Кровать в моём распоряжении. Комната в моём распоряжении. Это звучало как благодать.

«Мне нравится, что ты чувствуешь себя здесь достаточно свободно, чтобы фыркать и показывать характер. Это меня радует». Он наклонился и поцеловал меня в щёку. «Я хочу, чтобы с этого момента всё было иначе. Я хочу, чтобы ты была счастлива». Его голос был мягким, нежным. Так на него непохожим. Может, он и вправду изменился.

Затем его губы нашли мои, а язык – тёплый, влажный, настойчивый – проскользнул внутрь. Я поддалась его напору, и он принялся исследовать мой рот, дразня и лаская. Я невольно застонала, ответив на поцелуй, и моё тело отреагировало так, как его учили: соски затвердели под тканью, а между ног возникла знакомая, предательская влажность. Я обвила его язык своим, втянула в себя, слегка пососав. В ответ он глухо простонал, запустил руку мне в волосы, запутав пальцы в косе.

Он хотел меня. По его дыханию, сбившемуся и горячему, я это поняла. Осторожно, почти на автомате, я положила руку ему на колено и повела вверх по бедру, к твёрдой выпуклости в брюках. Он застонал снова, когда мои пальцы коснулись её. Я прижала большой палец к основанию и начала плавно двигать ладонью вверх.

«О, Боже, Анна...» – вырвался у него стон прямо в мои губы. Я доставляла ему удовольствие!

Но вдруг он отстранился, резко положив свою руку поверх моей, останавливая ласку. «Остановись, детка. Пожалуйста», – взмолился он, и в голосе прозвучала странная мука.

Я растерянно моргнула. «Я... я сделала что-то не так? Я думала, тебе нравится».

Девин поморщился, будто от боли. «Да, детка. Очень нравится». Он сделал глубокий, неровный вдох. «Кажется, я начинаю понимать, что Джек имел в виду, говоря о недостатке... светских манер».

Светских манер? Что он имел в виду? Для меня всё было кристально ясно: единственная причина, по которой мужчина целует женщину, – это желание перейти к сексу. Это я знала твёрдо. И если мужчина хочет секса, я должна сделать всё, чтобы ему было хорошо. Всё просто. Почему же я не угодила Девину?

«Детка, иногда мужчина может просто хотеть поцеловать женщину. Без того, чтобы это непременно вело к сексу», – объяснил он, и его голос звучал устало.

Я наклонила голову, не понимая. «Но... почему бы ему не захотеть секса?»

Он смотрел на меня странным, почти печальным взглядом, прежде чем его лицо вновь смягчилось.

«Потому что иногда на него просто нет времени. Или потому что хочется просто прикоснуться. Подразнить. Поцелуй может быть просто... проявлением привязанности».

«Привязанности?» – эхом повторила я. Эта идея не была мне *совсем* чужда; какое-то смутное воспоминание, что-то теплое и не связанное с болью, мелькнуло на краю сознания. Да. Когда Девин раньше, у Джека, просто обнимал и целовал меня на диване. Секса тогда не было. Только его руки, его губы и какое-то тихое, непонятное успокоение. Это и была нежность. Теперь я вспомнила.

Я посмотрела на него, и слёзы снова выступили на глазах. «Ты снова... испытываешь ко мне привязанность?» – прошептала я, боясь поверить.

«Да», – ответил он просто, и в этом одном слове была целая вселенная.

От его взгляда внутри всё сжалось и одновременно потеплело. Почти бессознательно мои руки снова потянулись к его бёдрам. Он мягко покачал головой, с нежной улыбкой сложил мои ладони и положил их мне на колени.

«Значит... ты не хочешь заняться со мной сексом?» – спросила я, и от этой мысли в груди вдруг заняла странная, острая боль. Боль от отвержения, смешанная с полным непониманием.

«О, ещё как хочу, Анна. Ужасно хочу», – сказал он, снова касаясь моей щеки. «Но я поцеловал тебя просто потому, что хотел выразить привязанность. Только поэтому».

«О...» – это было всё, что я могла выдать. Я всё ещё не понимала. Совсем. «Но как мне отличить? Я почувствовала, что ты возбуждён, и сделала то, что должна. Если мужчина хочет секса, но не делает...» Я замерла, сбита с толку. Он же *сказал*, что хочет. И всё же остановил меня. «Я не понимаю», – простонала я, и в голосе прозвучала настоящая, детская растерянность. Весь мой выученный мир правил и реакций дал трещину, и сквозь неё лился только холодный, пугающий свет неизвестности.

«Детка, не печалься. Всё в порядке». Он вздохнул, но в голосе не было раздражения, лишь терпеливая усталость. «Пока ты не научишься различать, лучшее, что ты можешь сделать – позволить мужчине вести. Если он целует тебя – целуй в ответ. Если он идёт дальше – ты можешь ответить. Со временем ты начнёшь чувствовать разницу и действовать соответственно». Он сделал паузу, давая словам улечься в моём перегруженном сознании. «Отвечай на его поцелуи и прикосновения, но не заходи дальше него, если он сам явно не покажет, что этого хочет. Я знаю, ты хорошо понимаешь мужское желание. Но желать и выбирать действовать – это разные вещи».

Я нахмурилась. Это не укладывалось в мою картину мира.

«Анна, представь, что ты днём зашла в магазин. Возможно, каждый второй мужчина там *захочет* тебя. Это вполне вероятно». В его голосе прозвучала горькая ирония. «Мужчин легко возбудить визуально. Но я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной обслуживать каждого, чей взгляд на тебя упал. Понимаешь?»

Я задумалась на мгновение, стараясь пробиться сквозь туман непонимания. «Наверное... немного. Значит... то, что мужчина хочет секса, ещё не значит, что он *хочет* секса?» – это прозвучало бессвязно даже для моих ушей, но какая-то искра понимания всё же мелькнула.

«Да, пожалуй, это довольно точная формулировка. Я помогу тебе во всём разобраться. Джек учил тебя соблазнению, верно?» Я кивнула. «Иногда я буду просить тебя “заняться” кем-то. Когда я так говорю, я имею в виду, что ты должна его *соблазнить*. Я не хочу, чтобы ты подходила, хватала и сажала его на себя. Соблазнение – это искусство, и Джек говорил, что ты в нём весьма искусна. Чаще всего лучший способ для женщины повлиять на мужчину – именно соблазнить. Слишком агрессивные могут многих отпугнуть».

Хорошо. Соблазнение, а не прямое действие. Я запомнила.

«Анна, будут мужчины, которые захотят соблазнить *тебя*. Позволь им. Мужчинам нравится чувствовать себя ведущими. Пусть думают, что это так. Если тебе нужно их соблазнить – пусть думают, что это *они* тебя соблазнили».

«То есть... я должна манипулировать ими, чтобы они делали то, что мне нужно, думая, что это их собственная идея?»

«Именно! Ты умная девочка, Анна». Широкая, одобрительная улыбка Девина и блеск в его глазах согрели меня изнутри. Я просияла, радуясь, что наконец-то уловила суть, хотя голова уже гудела от этой новой, извилистой логики.

«Но, Анна, – тихо добавил он, и улыбка с его лица мгновенно испарилась, – никогда, слышишь, *никогда* не пытайся манипулировать *мной*. Ты понимаешь?» Тьма, промелькнувшая в его взгляде, заставила меня вздрогнуть. *Этого* Девина я знала хорошо.

«Да, Девин, – прошептала я, нервно сглотнув. – Я понимаю».

И тут же, будто по щелчку, он снова стал прежним – мягким, почти ласковым.

«Хорошая девочка».

Девин начал рассказывать о собраниях, которые проходили в поместье по пятницам. Некоторые были формальнее других. Но независимо от формата, моя роль оставалась неизменной: являться к Девину и сидеть у его ног, пока он не отошлёт меня. Эти собрания, по его словам, чаще напоминали оргии, чем деловые встречи, хотя дела на них всё же вершились. «Мужчины более податливы для убеждения сразу после хорошего оргазма», – пояснил он с деловитой простотой.

«Пойдём, я покажу тебе Большой зал». Девин поднялся, и я послушно последовала за ним из комнаты.

Мы шли по бесконечным коридорам, спускались и поднимались по лестницам. После нескольких поворотов я окончательно потеряла ориентиры. Девин заверил меня, что бродить по особняку одной мне не придётся – всегда будет проводник.

По пути он продолжал свои пояснения об устройстве поместья, в частности, о том, что он называл «своими девочками».

«Они – секс-рабыни, – сказал он без эмоций. – Поколение за поколением в этом доме рождались девочки, служащие воле текущего Хозяина. Я – нынешний Хозяин, как до меня был мой отец, а до него – его отец. Некоторые из девочек обладают специализированными навыками. Есть и заводчицы – их единственная задача производить на свет следующее поколение. Их работа – рожать».

«А если родятся мальчики?» – спросила я.

«Такое случается нечасто. У нас есть... способы... увеличить шансы на девочку. Мальчики, конечно, тоже нужны, но не в таких количествах. Йен, кстати, родился у заводчицы».
Йен?

«Другие девушки специализируются на жёстких играх... на мазохизме, если угодно. Некоторые из них особенно талантливы и пользуются особыми привилегиями. Всех девушек можно отличить по ожерельям. Заводчицы носят простую серебряную цепочку, и у них своя зона в поместье. Обычные девушки – простые серебряные ошейники. Мазохистки – ошейники серебристого цвета с красным узором. Так мужчины понимают, что перед ними. Все мои девушки – виртуозы сексуального искусства. Иначе их бы здесь не было. Я бы нашёл для них другую работу... или уволил».

«Уволил?»

«Я уверен, ты понимаешь, что я имею в виду, Анна. Нет смысла содержать бесполезного раба. По этой причине мне пришлось избавиться от очень немногих. Мне нужны повара и горничные». Он пожал плечами, как будто речь шла о списании старой мебели. «Все, кто здесь работает, родились здесь. Все, кто родился здесь, – рабы. Мужчины обеспечивают безопасность и порядок».

«Значит, Йен... раб?»

«Да. Мой самый доверенный раб, и я считаю его другом; он отвечает за всё в моё отсутствие. Но да, он раб. Все рабы помечены. Вернее, все, кто связан с Братством, носят метку. Рабы – особым образом. Я тоже помечен. Как и Джек».

Я нахмурилась. Не припоминала никакой метки на теле своего опекуна.

«Ты никогда не задумывалась о том двойном кольце, что пронзает головку его члена?»

Честно говоря, никогда. Оно всегда было там – на верхней стороне, охватывая головку, два тонких кольца диаметром около сантиметра, соединённые перемычкой. Я знала, что его нельзя задевать зубами.

«Это знак Брата».

«А... У некоторых друзей Джека они были, у некоторых – нет». Я никогда не вдумывалась в значение.

«Я и не ждал, что ты задумаешься, Анна. Обычные братья носят двойное кольцо. Рабы-мужчины – кольца в обоих сосках. У рабынь – кольцо в пупке и кольцо на левой половой губе. У особенно ценных для своих хозяев – ещё и прокол клитора».

«Ого», – я невольно поморщилась. Звучало болезненно.

Мы подошли к массивным, отполированным до зеркального блеска деревянным дверям. Девин толкнул их.

«Это Большой зал», – его голос гулко отозвался эхом в огромном, погружённом во мрак пространстве. Раздалась серия щелчков, и над нами, одна за другой, замигали, а затем вспыхнули ярким светом хрустальные лампы.

Зал был колоссален. Два яруса балконов, словно каменные ребра, опоясывали пространство. Всюду, на уровне зала и наверху, виднелись запертые двери – немые, тёмные уста в стенах. Пол утопал в густом, темно-багровом ковре, окаймлённом по краям широкой полосой тёмного, отполированного до блеска дерева. С позолоченного свода, уходящего ввысь, ниспадали пять исполинских хрустальных люстр, чьи подвески тихо позванивали от нашего движения, будто ледяной перезвон. В беспорядке, но с намёком на порядок, были расставлены группы низких кресел, диванов и шезлонгов, обтянутых кожей.

А в дальнем углу, под самым потолком, возвышалась гигантская статуя золотого орла. Его крылья были слегка раскрыты, будто в момент перед взлётом, а голова, размером с балкон второго уровня, смотрела вниз с немим могуществом. Лапы, расставленные широко, обрзовывали арку, под которой мог пройти, не сгибаясь, взрослый человек. Когти впивались в широкий приподнятый помост из тёмного мрамора. А в центре этого помоста, на фоне исполинской птицы, стояло одно-единственное, изысканное кресло. Оно не выглядело роскошным – оно выглядело как трон.

Стоя посреди этого пространства, я ощутила, как по залу разливается странная, плотная энергия. То, что я могла описать лишь как *силу*. Она вибрировала в тишине, пропитывала воздух. Я невольно закрыла глаза, и сила прошла сквозь меня – холодная волна, которая не оттолкнула, а наоборот, слилась с чем-то глубинным внутри. Дух этой комнаты и моё собственное нутро будто говорили на одном языке; я была здесь... своей.

Открыв глаза, я увидела – или мне померещилось? – вспышку света в углу зала, рядом с пьедесталом орла. Мелькнуло что-то, похожее на очертания светящегося человека, которое тут же растаяло в воздухе. Нет, такого не может быть. Игра света, усталость, перегрузка. Только и всего.

Я подняла взгляд и встретилась глазами с Девиним. Он наблюдал за мной с неподдельным, почти хищным интересом.

«Ты в порядке?» – спросил он.

На мгновение мне показалось, что в его взгляде читается готовность поглотить меня целиком. Я заморгала, и это ощущение рассеялось. Я снова бросила взгляд в тот угол. Там было лишь пустота и тень. Галлюцинация. Должно быть. Люди не светятся и не растворяются.

«Я... – мои мысли путались. – Да, Девин».

«Обычно, покидая свою комнату, ты должна держаться покорно – в манерах, в речи, в позе, – мягко, но твёрдо предупредил он. – Особенно в этой комнате».

«Простите, милорд», – тут же прошептала я, опустив голову в автоматическом жесте.

Девин притянул меня к себе и прижал губами к моим – поцелуй быстрый, но властный. «Всё в порядке. Ты не знала. К тому же, сейчас здесь никого нет, так что проступок невелик. Я просто предупреждаю. За непослушание здесь наказывают. И наказывают сурово».

Затем его губы опустились на мой подбородок, а язык провёл горячую, влажную полосу по шее до ключицы. Я резко вдохнула, голова сама откинулась назад, подставляя ему горло. «Хорошая девочка, – пробормотал он мне в кожу, нежно покусывая. – Дай мне вести тебя». Острая, сладкая дрожь пробежала по всему телу. Я вцепилась пальцами в ткань его рубашки на груди, издав сдавленный стон. В ответ он снова прикусил мою ключицу, чуть сильнее.

«Нравится?» – его дыхание обжигало кожу.

«М-м...» – было всё, что я смогла выдавить, когда его ладони скользнули по моим рёбрам, забираясь под свитер. Крупные, тёплые пальцы нашли мои груди, а большие пальцы провели по соскам. Я вскрикнула от внезапного, яркого удара удовольствия. Они затвердели мгновенно, а спина выгнулась сама собой, жаждущая большего прикосновения, большего нажима.

Он резко отстранился. Я пошатнулась, потеряв опору, и едва устояла на ногах.

«Нам нужно вернуться в твою комнату, – сказал он, и его голос звучал сдавленно, хрипло. – И помни о своём поведении, Анна».

Он повернулся, щёлкнул выключателем, погрузив исполинский зал обратно во мрак, и распахнул дверь, жестом приглашая меня выйти первой. Внезапная прохлада коридора ударила в разгорячённую кожу, отрезвляя и напоминая: даже в игре здесь всегда есть правила, а за их нарушением следует расплата.

Глава 4

Как только дверь за нами закрылась, его тело прижалось к моей спине. Рука обвила талию, губы жадно впились в шею, горячие и влажные. Он потянул за косу, пока она не распустилась, и пальцы впились в волосы, распутывая пряди. Я почувствовала запах своего шампуня, когда он перекинул мои влажные волосы через плечо и вновь приник губами к затылку, посасывая кожу так, что у меня перехватило дыхание. Его ладони скользнули по рёбрам, а затем, умело, под свитер, к груди.

«Мне нравится, что на тебе нет лифчика». Его голос был низким, прямо в ухо. Он нежно обвёл ладонью контур груди, а затем взял соски между пальцев и сжал. Достаточно сильно, чтобы было больно. Но эта боль была приятной, острой, и я ахнула, выгибаясь в его руках.

«Тебе нравится?»

«Да...» – выдохнула я, и это было правдой.

Он снова сжал, затем покатал нежные бугорки между подушечками пальцев. Я откинула голову ему на плечо, подставляя горло для новых поцелуев. Его губы не заставили себя ждать.

«Мне нравится, какая ты отзывчивая, детка, – прошептал он, и его дыхание обожгло ухо. Снова лёгкое, щиплющее прикосновение к соскам. – Мне нравится, как ты забываешь о годах боли и просто... растворяешься. Ты у меня такая хорошая девочка».

От его слов по всему телу пробежала мелкая, сладкая дрожь. Никто не говорил мне таких вещей... сколько я себя помнила. Лучшее, что я слышала за эти годы – «Да, детка, классно трахаешься», или «Чёрт, какая у тебя задница», или что-то столь же грубое и безликое. Я впитывала его слова, эту похвалу, как высохшая земля – первый дождь. Впервые за бесконечно долгое время я почувствовала... нежность. Что-то похожее на любовь.

Я повернулась к нему лицом и сама нашла его губы, стараясь вложить в поцелуй всё, что не могла выразить словами. Слёзы снова подступили, горячие и неудержимые, смешиваясь с вкусом его поцелуя.

«Что случилось, малышка? Почему ты плачешь?» Он отстранился, поймал слезу большим пальцем. Его взгляд был пристальным, но не жёстким.

«Я... я...» Я начала и запнулась. Страх, древний и глубокий, сжал горло. Последний раз, когда я пыталась сказать ему что-то подобное... мне было шестнадцать, и ответом была пощёчина. Я попыталась отойти, отстраниться.

Но он не отпустил. Его руки мягко, но неумолимо удержали меня на месте. «Анна, пожалуйста. Скажи мне».

Такая просьба, произнесённая таким тоном, разбила последние внутренние заслоны. Детское обожание, которое я когда-то к нему испытывала, вспыхнуло с новой, болезненной силой. Я посмотрела прямо в его глаза, отчаянно желая, чтобы он понял.

«Я... я люблю тебя, Девин».

Он замер. И посмотрел на меня так, как не смотрел четыре долгих года. Так, как смотрел до. До того, как мир перевернулся. Моё сердце взмыло ввысь, безумно надеясь.

«Я тоже люблю тебя, Анна». Его голос был хриплым, сдавленным. Казалось, в нём боролись какие-то сильные, незнакомые ему эмоции. Он говорил тихо, почти боясь собственных слов. «Мне так жаль, что я заставил тебя пройти через всё это, любовь моя. Если бы был другой способ...» Он замолчал, сглотнув. «Каждый твой крик разрывал мне сердце. Каждый синяк, каждая слеза. Я ненавижу это. Поэтому я редко приходил. Я не мог вынести этого. Но так должно было быть. Ты должна была закалиться. Стать сильнее. Иначе они... они бы сожрали

тебя заживо, не дав опомниться». Он тяжело, прерывисто вздохнул. «Мне так жаль, малышка. Прости меня. Но иначе было нельзя».

Слёзы текли по моим щекам уже ручьями, но теперь в них была не только моя боль. В них была боль за него. Мысль о том, что он, в каком-то извращённом смысле, страдал *вместе* со мной... она заставила сердце сжаться и в то же время наполнила его чем-то тёплым и безрассудным. Я полюбила его в этот момент ещё сильнее.

Он притянул мою голову к своей груди, крепко обнял, и я уткнулась лицом в ткань его рубашки, вдыхая его запах.

«Я люблю тебя, Анна. Так сильно люблю. И я так горжусь тобой. Ты стала сильной. Храброй. Ты стала всем, на что я надеялся. Даже больше».

Он отстранился, снова заглянув мне в глаза. Я заставила себя не отводить взгляд, хотя каждый инстинкт требовал покорно опустить голову.

«Я хочу загладить свою вину, детка. За все потерянные годы. Вспомни что-нибудь... что-нибудь, что я могу для тебя сделать?»

В памяти всплыли обрывки: запах кулис, жгучий свет софитов, нежные руки мамы, поправляющей пачку... «Щелкунчик». Их последний вечер. Я сглотнула ком в горле.

«Балет, – прошептала я после паузы. – Можно мне... заниматься чаще? И, может быть... может быть, снова выступить?»

Он слегка склонил голову, не отрывая взгляда.

«Или... не обязательно выступать, – поспешно добавила я, испугавшись собственной дерзости. – Просто... ещё одно занятие в неделю? Или... если здесь найдётся комната, где я могла бы танцевать одна. С музыкой». Я опустила глаза на пуговицы его рубашки, едва дыша, вопреки всему надеясь.

Эти два занятия в неделю были моей единственной соломинкой, ниточкой, связывающей с миром до «гаража», с девочкой, которой я была. Танец напоминал мне о родителях. О счастье. В последний год я почти перестала стараться – какой смысл? Но сейчас... неужели это возможно? Выйти на сцену, раствориться в музыке и движении... Я чувствовала себя утопающей, увидевшей солнечный свет сквозь толщу воды. Танец был для меня жизнью.

Девин замолчал. Надолго. Я робко взглянула на его лицо. Он смотрел куда-то в пустоту, будто что-то вспоминая или обдумывая. Я замерла, боясь пошевелиться, боясь разрушить хрупкую надежду.

Минуты тянулись мучительно. Я уже начала вытирать слёзы, готовясь к отказу, к гневу, к тому, что моя просьба покажется ему смешной и наглой. Сердце ныло. Как я посмела?

«Да, детка, – наконец сказал он, и его голос был мягким. – Думаю, я бы очень хотел снова увидеть, как ты танцуешь. Если твой педагог сочтёт, что ты готова. Я позвоню ему на следующей неделе, договорюсь».

Моё сердце забилося так, что, казалось, вырвется из груди. «О, Девин! Спасибо! Спасибо тебе!» Я встала на цыпочки и вновь поцеловала его, на этот раз со всей силой нахлынувшей благодарности и счастья. Он ответил на поцелуй, и в нём чувствовалось удовлетворение.

А потом настроение снова переменялось. Мгновенно и безоговорочно. Его пальцы вновь впились в мои волосы, язык настойчиво потребовал входа. Я открылась ему, желая ответить всем, чему меня научили, но помня его же слова – следовать за мужчиной. Я отвечала на его поцелуй, позволив нашим языкам сплестись в горячем, влажном танце. От его тела исходил жар, и я чувствовала твёрдый упор его эрекции сквозь одежду.

Он потянул за подол моего свитера и одним резким движением стащил его через голову. Когда он снова притянул меня, я почувствовала этот твёрдый удар в низ живота. Я обвила его шею руками, прижимаясь всем телом.

Он легко поднял меня на руки, и я инстинктивно обхватила его бёдра ногами. Мы не прерывали поцелуя. Он отнёс меня к кровати, и мы рухнули на покрывало. Его вес навалился на меня, желанный и подавляющий. От этого, от всего – от его слов, от обещания, от желания, которое пульсировало в каждой клетке, – у меня в груди не осталось воздуха. Осталось только ощущение падения и полной отдачи. Его губы скользнули с моего подбородка вниз, по шее. Я запрокинула голову, подставляя кожу, и он продолжил путь, сместившись в сторону, чтобы покрыть поцелуями грудь.

Он осыпал ласками одну, затем другую. Я ждала, жаждала, чтобы он коснулся сосков, но он словно нарочно избегал их, целуя всё вокруг. Я заёрзала в нетерпении, и тогда он взял в рот мягкую часть под грудью. Я приподняла бёдра, глухой стон вырвался из горла.

Он усмехнулся – низкий, довольный звук – и затем, медленно, мучительно медленно, провёл языком вверх, к самому кончику, и наконец взял затвердевший сосок в рот. Электрический разряд пронзил меня насквозь, ударив прямо в клитор.

«Да, Девин, пожалуйста...» – взмолилась я. Он втянул сосок глубже, сильнее, а потом сжал зубами. Почти до боли. Я вскрикнула, запрокинув голову в подушки, рот приоткрылся в немом экстазе. Он повторил всё с другой стороны, дразня и лаская, пока я извивалась под ним.

Моё тело сходило с ума. Вся я была одним сплошным нервом, жаждущим прикосновения. Я запустила пальцы в его густые чёрные волосы, вцепилась, притягивая его ближе. Глубоко внутри ждала вспышки гнева за такую дерзость, но её не было. Он только продолжал, пока наконец не начал сползать ниже – поцелуи и влажные дорожки языка скользили по животу.

У самого пояса джинсов он расстегнул пуговицу, молнию, но не снял их. Раздвинул деним и приник губами к коже на бедре, чуть выше тазовой кости. Мои бёдра дёрнулись сами собой от этого прикосновения.

Я громко застонала, живот напрягся, когда он уткнулся лицом в это чувствительное место. Он лёг поверх моих ног, придавив, лишив движения, и от этого каждое прикосновение его губ становилось втрое острее. Он проложил тропу поцелуев от низа живота к другому бедру, снова и снова посасывая кожу над костью, заставляя меня выгибаться навстречу.

Девин усмехнулся и поднял на меня взгляд – тёмный, полный страсти.

«Тебе всегда нравилось, когда я целую тебя здесь. Ещё когда ты была маленькой. Помнишь?»

В памяти всплыло: диван у Джека, его голова у меня на бёдрах, смешанное чувство стыда и восторга. «Да...» – прошипела я, желая только одного – чтобы он не останавливался.

Внезапно его вес исчез. Я открыла глаза – он стоял у кровати, смотря на меня сверху вниз. Страсть пылала в его взгляде, а в брюках чётко вырисовывалась внушительная выпуклость.

«Раздень меня».

Я соскочила с кровати и набросилась на пуговицы его голубой рубашки. Пальцы дрожали, но справились быстро. Я стащила рубашку с его плеч.

«Не бросай на пол. Она ещё пригодится», – прозвучал его хриплый голос. Я аккуратно повесила рубашку на спинку кресла и вернулась к нему.

Его тело было поджарым, рельефным без излишней массы. Грудь покрывала россыпь тёмных волос. Я провела по ним ладонью, улыбаясь, наслаждаясь их жёсткостью под пальцами. В детстве я бесчисленное количество раз засыпала, прижавшись ухом к этой груди, но только сейчас по-настоящему чувствовала её. Моя рука скользнула вниз, по линии волос, к чёрным брюкам.

Я опустила на колени, чтобы снять ботинки и носки, а затем потянулась к ремню, облизнув внезапно пересохшие губы. Расстёгивая брюки, я с удивлением осознала: я никогда не видела его член. Чувствовала сквозь ткань, конечно, ещё до «уроков». Но голым – нет. Он полностью раздевался передо мной лишь дважды: когда наказывал за попытку суицида, и когда лишал девственности. В оба раза я была слишком шокирована, чтобы разглядывать.

От этого осознания сердце застучало чаще. Я работала быстрее, желая увидеть всё. Я аккуратно сложила брюки на стул и вернулась, встала перед ним. Подняла глаза, улыбнулась – стараясь, чтобы в улыбке была вся моя благодарность, всё желание, – и потянулась к чёрным боксерам.

Но прежде чем я коснулась ткани, его рука перехватила моё запястье.

Я вздрогнула, инстинктивно попыталась вырваться. Что я сделала не так?

«Анна, прежде чем ты продолжишь... мне нужно кое-что сказать. Чтобы ты не испугалась».

Мои глаза расширились. В голове пронеслись тревожные догадки. Уродство? Странные татуировки?

«Детка, помнишь, я говорил, что у меня тоже есть метка?» Я кивнула, не отрывая от него взгляда, боясь пропустить слово. «Я лидер Братства. Старейшина. Один из семи в этой стране. Мы... управляем многим. Все метки Братства – это пирсинг. И кольца на мизинце правой руки». Он поднял палец, показывая кольцо с крупным бриллиантом. Я играла с ним в детстве, даже не подозревая о значении. «Старейшины носят бриллианты. Обычные братья – сапфиры. Дьяконы, мои помощники, – изумруды».

Я снова кивнула. Какая связь с его членом?

«У старейшин... тоже проколоты члены. В нескольких местах».

Я невольно поморщилась. «Зачем?»

«О, причин много. Отличительный знак. Доказательство готовности терпеть дискомфорт ради высших целей. И... для сексуального удовольствия».

«Удовольствия? Тебе это нравится?»

«Нет. Женщине».

Я удивлённо приподняла бровь. Почему его волнует, нравится ли это *женщине*?

«Доставлять женщине удовольствие – это искусство. Пирсинг расположен и сформирован так, чтобы усиливать его. Сексуальная сила – важный атрибут влиятельного мужчины». В его глазах мелькнула искорка, уголок губы дрогнул. «Кроме того, если кто-то упрямится... можно соблазнить его жену у него на глазах и заставить её кричать от наслаждения. Некоторые виды пирсинга годятся и для наказания, но не все старейшины утруждают себя этим».

«Понятно». Мой взгляд снова упал на выпуклость в белье. Его член похож на игольницу?

«Готова?» – спросил он.

«Да». Я хотела видеть. Хотела почувствовать его внутри себя, где уже всё было влажно и пульсировало. Любопытство пересилило смутную тревогу. Я снова потянулась к ткани, остановилась, когда пальцы коснулись хлопка. Он кивнул. Я стянула боксеры вниз.

Он был большим. Толстым, длинным, и... украшенным. Металлические шарики, которые я теперь понимала, и были метками. Помимо двойных колец, как у Джека, на верхней части ствола располагались четыре штанги, образуя два аккуратных ряда блестящих бусин. Внизу – ещё два ряда. Семь пирсингов.

Но больше всего внимание привлекала тонкая металлическая полоска, опоясывающая член чуть ниже головки. Шириной около сантиметра, она была покрыта мельчайшими точками.

«Что это?» – я осторожно провела по ней пальцем.

«Это, любовь моя, – для наказания». Я посмотрела на него, не понимая, как плоский металл может причинить боль. Он на мгновение закрыл глаза, будто сосредотачиваясь, а затем открыл. «Смотри».

Я резко вдохнула, опустив взгляд. Там, где были точки, теперь торчали шесть коротких, острых шипов, длиной сантиметра по два. Они выглядели убийственно острыми.

«Как ты...»

Шипы так же плавно втянулись обратно в полоску. «Она соединена с нервами. Ими можно научиться управлять. Помнишь, когда тебя привезли сюда после твоей... попытки?» Я кивнула, не желая вспоминать. «Помнишь, как я изнасиловал тебя тогда, и ты сказала, что это будто рвут твои внутренности?»

Как я могла забыть? Та боль была нечеловеческой.

«Вот что я использовал тогда. Это очень эффективное наказание, потому что его не ждёшь. Работает и на мужчинах, и на женщинах. А если постараться... можно и убить».

Его глаза на мгновение холодно сверкнули. Я моргнула, и страх заставил меня отшатнуться. Как он может так спокойно говорить об этом? Он мог в любой миг снова применить это ко мне. Снова причинить ту невыносимую боль. Я дрожала, уставившись в его грудь.

«Анна, я отлично ими управляю. С тех пор, как научился много лет назад, они ни разу не сработали случайно. Мне нужно по-настоящему сосредоточиться, чтобы их активировать». Я знала, что он не лжёт. Но это не делало меня спокойнее.

«Ты пугаешь меня», – тихо выдохнула я.

Он вздохнул, и я робко подняла на него взгляд. На его лице читалось что-то похожее на боль. «Я не хочу тебя больше пугать, Анна. Это было необходимо какое-то время, но я надеюсь... ты усвоила всё, что нужно. И что мне больше не придётся тебя пугать».

Я тоже этого не хотела. Я любила его. Я хотела ему нравиться.

Сделав два маленьких неуверенных шага вперёд, я снова опустилась перед ним на колени. Потянувшись к его пульсирующему члену, осторожно обхватив пальцами основание, стараясь придумать, как доставить ему удовольствие, не потревожив холодный металл. Его кожа была обжигающе горячей, и под моим прикосновением он стал ещё твёрже. Я нежно коснулась губами самой верхушки, а затем слизнула выступившую каплю солоноватой влаги.

«Ты... не сделаешь мне больно?» – спросила я, глядя на него снизу вверх.

Он улыбнулся, и в его взгляде теперь горел только голод. «Нет, малышка. Я не причиню тебе вреда».

Я открыла рот и медленно приняла его в себя, сжимая ствол рукой. Он резко вдохнул, а потом застонал, когда я взяла его глубже. «О, Анна...» – его голос был сдавленным.

Он положил руки мне на затылок, мягко направляя ритм, погружаясь всё дальше. Я позволила ему вести, глубоко вздохнув, когда он приблизился к горлу. Он был большим, и, когда он вошёл полностью, дыхание перехватило. Я сглотнула, и над головой раздался его глубокий, довольный стон. Я пососала его, слегка отстранившись, прежде чем снова двинуться навстречу. Вторая рука пробралась ниже, чтобы ласкать его яйца, нежно сжимая. В ответ – ещё один стон, на этот раз громче.

Я продолжала, поглощённая ритмом: сосание, движение, язык, скользящий по головке и гладкому металлу. Одна рука крепко держала его, другая нежно играла с мошонкой. Его дыхание становилось прерывистым, стоны громче, пальцы сильнее впивались в мои волосы.

Он тянул, и мне это нравилось. Нравилось чувствовать его контроль. Я поняла, что он близок, когда он вдруг выскользнул из моего рта и поднял меня за волосы, заставив встать перед ним.

«Ох, детка. Тебя хорошо научили». Он страстно, почти жадно поцеловал меня в губы, а затем отстранился. «Но я хочу твоё тело. Хочу погрузиться в твою тугую, влажную киску и отправить тебя к звёздам».

Он мягко толкнул меня на кровать, стянул с меня джинсы и забрался следом. Раздвинул мои ноги, прижал колени к груди. От прохладного воздуха, коснувшегося обнажённой, пылающей кожи, я вздрогнула.

«Ты прекрасна», – пробормотал он, наклоняясь, чтобы поцеловать внутреннюю поверхность бедра. «Мне нравится, какая у тебя гладкая кожа, детка». Он выпрямился. «О, я едва могу терпеть. Ты мне так нужна. Я изнаиваю по тебе».

Он направил себя к моему входу и одним уверенным, быстрым движением вошёл в меня. Я закусила губу, стараясь игнорировать вспышку боли от его размера и скорости. Он был больше Джека, больше большинства его друзей. Я быстро моргнула, отгоняя навернувшиеся слёзы. Не покажу ему. Вместо этого я обвила его бёдра ногами, притянула ближе к себе. Он улыбнулся, довольный.

Он наклонился, его губы коснулись моей шеи. «Ты маленькая сексуальная кошечка, не так ли?» – прошептал он в ухо.

«Это... плохо?» – спросила я, беспокойство мелькнуло сквозь туман наслаждения.

«Вовсе нет, детка». Он вошёл глубже, и я ахнула от неожиданной полноты ощущений. «Ты невероятна. Прямо как в наш первый раз».

Я улыбнулась ему сквозь нахлынувшие чувства, когда он начал двигаться. Боль утихла, сменившись чем-то невероятным. Я чувствовала, как металлические шарики трётся о самые чувствительные точки внутри. Я двигалась ему навстречу, и между нами возник свой ритм. Напрягала и расслабляла внутренние мышцы, лоя его, и его стоны говорили, что ему это нравится. Его поцелуй стал глубже, движения – более интенсивными, требовательными.

«Детка, я хочу кончить вместе с тобой. Думаешь, сможешь это для меня сделать?» Его губы прижались к моей шее, прерывистое дыхание обжигало кожу. Я обняла его за спину, впиваясь пальцами в напряжённые мышцы.

«Да... – простонала я в ответ. – О, да, Девин, пожалуйста...»

Он ускорил темп. Я выгнула бёдра, чтобы усилить трение в нужном месте. Огонь внутри разгорался стремительно, я прижималась к нему, отчаянно стремясь к пику. Напряжение нарастало, сжимая всё внутри, и затем – взрыв. Мир распался на искры. Я вцепилась в него, выкрикивая его имя снова и снова, пока волны удовольствия не отступили, оставив меня разбитой и тяжело дышащей.

Я лежала, прижавшись к влажной от пота его коже, слушая, как его сердце колотится в унисон с моим. Он тяжело дышал мне в шею. Я слабо поцеловала его мочку уха – единственное, до чего могла дотянуться. Через мгновение он пошевелился, и я ослабила хватку.

Он перекатился на спину рядом. «Ты потрясающая, детка. Даже лучше, чем я надеялся». Его палец лениво выводил круги на моей груди.

Потом он откинул голову на подушку, устремив взгляд в потолок.

«Я думаю... мне стоит забрать тебя с собой. У меня уже сто лет не было такого секса». Он провёл рукой по своим тёмным волосам и снова повернулся ко мне, улыбаясь. «Хотя не знаю, как объясню это детям. Тайлер, может, и поймёт, а девочки... нет».

Я слабо улыбнулась, пытаюсь представить его в роли отца. Это казалось невероятным.

«Который час?» – пробормотал он, взглянув на часы. «Чёрт, уже полдень? Проклятье. Прости, детка, мне нужно идти. У меня встреча, которую нельзя пропустить, и куча дел».

Я поджала губы, кивая, стараясь скрыть разочарование. После всего, что только что было между нами, я так надеялась, что он останется.

«Я вернусь завтра, навещу тебя, малышка». Он погладил меня по щеке, и в его улыбке снова появилась та хищная, соблазняющая нотка. «Ты чертовски сексуальна, Анна. Оно того стоило». Он наклонился, чтобы бросить последний поцелуй, а затем подошёл к стулу за своей рубашкой и брюками.

«Отдыхай, Анна, – сказал он, быстро одеваясь. – Я знаю, Джек был с тобой груб. Этого больше не повторится. Здесь ты в безопасности».

Он обвёл рукой комнату, и его слова повисли в воздухе – и обещанием, и напоминанием о том, что моя безопасность теперь полностью в его руках и зависит от его переменчивой воли. Я застенчиво улыбнулась ему. «Хорошо». Простое слово, но оно прозвучало как тихое принятие, как обещание покоя. Мне понравилось, как оно легло между нами.

Он наклонился, поцеловал меня в макушку – жест почти отеческий, если бы не тень только что пережитой близости. Его пальцы ловко застегнули верхнюю пуговицу на рубашке, восстанавливая привычную маску хозяина поместья. «Я распоряджусь, чтобы тебе принесли обед сюда. И ты можешь делать всё, что захочешь. Тебя никто не побеспокоит и не обидит, пока ты здесь».

«Спасибо, Девин». Я приподнялась на локте и коснулась губами его щеки, ощущая под кожей лёгкое напряжение мускулов.

«С днём рождения, детка. Увидимся завтра».

С этими словами он обернулся и пошёл к двери. На пороге он задержался на мгновение, бросив через плечо взгляд – озорной, тёплый, полный какого-то скрытого знания. Улыбка, которую он мне оставил, была нежной, почти сожалёющей. Потом дверь мягко закрылась, оставив меня одну в тишине большой комнаты, пахнущей нами обоими. Фраза «день рождения» тихо прозвенела в воздухе, странные и неуместные, как напоминание о другом времени, другой жизни, которая теперь казалась лишь сном. Но здесь, сейчас, в этой новой реальности, они звучали как обет. Или как заклинание.

Я лежала на кровати, уставшая до сладкой истомы и утонувшая в странном, новом счастье, глядя на позолоченную решётку потолка. Девин вернулся. Не в прошлое, конечно. Но он снова был тем Девинком – тем, что прятался под маской Хозяина все эти годы. И он любил меня. Эта мысль разливалась по жилам, тёплая и густая, как летний мёд, заполняя каждый закоулок, где раньше сидел страх.

Его признание всё ещё звенело внутри. Жестокое воспитание было необходимостью. Невыносимой, отвратительной, но – неизбежной. Ему было больно на это смотреть. Поэтому он позволил Джеку взять на себя грязную работу, чтобы не осквернить себя. Чтобы подготовить меня... к чему? К чему бы то ни было, что ждало впереди. Эта мысль пока была лишь смутной тенью на краю сознания, но она не пугала. Не сейчас.

Я улыбнулась, повернув голову к окну. За густой стеной кустов сияло чистое голубое небо с редкими, пушистыми облаками. Я не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя так... лёгкой. Сердце готово было выпрыгнуть из груди и улететь в эту синеву, танцуя в лучах солнца.

Стук в дверь вырвал меня из тихого ликования, заставив вздрогнуть. Я натянула сброшенную одежду и подошла к двери, но ручка не поддавалась. Я потянула сильнее. Снова стук.

«Госпожа?» – донёсся из-за двери мягкий женский голос.

«Я не могу открыть». Я дёрнула ещё раз, безуспешно.

«Всё в порядке, госпожа. Я могу открыть снаружи. Отойдите, пожалуйста, чтобы я вас не задела».

Я отступила на шаг. Дверь бесшумно открылась, и в проёме появилась девушка. Она была чуть выше меня, с длинными светлыми волосами и тёмно-кариими глазами. В руках она держала большой поднос, уставленный тарелками. Её длинное струящееся платье сиреневого цвета колыхалось при движении. На шее – простое серебряное ожерелье, тонкая цепочка без подвески.

Она поставила поднос на стол у кресла и повернулась ко мне, склонив голову и сделав лёгкий, изящный реверанс. «Меня зовут Мэгги, госпожа. Приятно познакомиться. Буду рада служить вам». Она улыбнулась, но в глубине её глаз, быстрых и осторожных, мелькнул отблеск страха.

«Привет, Мэгги, – застенчиво ответила я, машинально склонив голову в ответ. – Приятно познакомиться».

Я неловко замерла, не зная, что делать дальше. Должно быть, она почувствовала моё смущение, потому что вежливо указала на стол. «Я принесла вам обед, если вы голодны».

Желудок отозвался предательским урчанием, напоминая, что завтрака не было. «Я... очень голодна. Спасибо».

«Пожалуйста, присаживайтесь». Она сняла серебряные крышки с блюд. Пар поднялся в воздух, а с ним и аромат запечённой курицы с травами и тушёных овощей. У меня слюнки потекли. Я годами не ела ничего подобного – у Джека кулинарный талант ограничивался полуфабрикатами и хлопьями. Это выглядело и пахло... как в детстве.

«О, это выглядит восхитительно!»

«Вам нужно что-то ещё, госпожа?»

«Э-э... нет, – сказала я, неуверенная, ожидают ли от меня ещё чего-то. – Кажется, нет».

Мэгги снова улыбнулась, но на этот раз чуть теплее. «Я вернусь позже, чтобы забрать поднос». Она сделала ещё один небольшой реверанс, подошла к двери и тихо постучала. Дверь тут же приоткрылась. Перед тем как выскользнуть наружу, она обернулась. «Дверь заперта для вашей же безопасности, госпожа. Бродить по поместью в одиночку... небезопасно». И с этими словами она исчезла, дверь снова закрывшись с тихим щелчком.

Я была слишком голодна, чтобы размышлять о значении её слов, и набросилась на еду. Она была так же хороша, как и пахла. Я съела всё, хотя могла бы и подавиться от жадности. Лучше остановиться, пока не стало плохо.

С бокалом остывшего чая в руке я решила осмотреть свою новую обитель более внимательно. Пространство между камином и окнами занимали два высоких шкафа. Один был пуст, но в другом висело несколько платьев – похожих по стилю на то, что было на Мэгги. Некоторые из них были воздушными, белыми, почти прозрачными. Я провела по ткани пальцами, чувствуя под ней шёлковую подкладку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.